

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

в шести томах

Главная редколлегия

Р.Б.Рыбаков (председатель),
Л.Б.Алаев, К.З.Ашрафян (заместители председателя),
В.Я.Белокреницкий, Д.Д.Васильев, Г.Г.Котовский,
Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин, О.Е.Непомнин,
Ю.А.Петросян, К.О.Саркисов, И.М.Смилянская,
Г.К.Широков, В.А.Якобсон

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

1997

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток
в древности

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

1997

ББК 63.3(0)3
И90

Ответственный редактор
В.А.ЯКОБСОН

Редактор издательства
Л.В.НЕГРЯ

И90 **История Востока. Т. I. Восток в древности. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 688 с.: карты. ISBN 5-02-017936-1**

В первом томе многотомного труда «История Востока» (второй — «Восток в средние века» — вышел в свет в 1995 г.) показаны причины и пути возникновения первых цивилизаций и их взаимодействие между собой, а также с периферийными обществами. Серьезное внимание уделено проблемам этногенеза, взаимоотношений между языками и культурами. Изложение истории конкретных стран и регионов дано с учетом разделения древности на два подпериода: раннюю и позднюю древность. Верхней хронологической границей первого тома является рубеж христианской эры. Том снабжен картами и указателями.

ББК 63.3(0)3

Научное издание

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

I

Восток в древности

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *Л.В.Негря*. Художник *Э.Л.Эрман*
Художественный редактор *Б.Л.Резникова*. Корректор *Н.Н.Щигорева*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94. Сдано в набор 05.05.97

Подписано к печати 09.09.97. Формат 70×100 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 55,9

Усл. кр.-отт. 55,9. Уч.-изд. л. 56,6. Тираж 3000 экз.

Изд. № 7709. Зак. № 2363 . «С»—1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-017936-1

© Институт востоковедения РАН, 1997

© Издательская фирма

«Восточная литература» РАН, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ СЕРИИ

В последние десятилетия XX в. принципиально по-новому встали глобальные проблемы человечества. Явственно обнаружилась планетарная взаимосвязь самых различных аспектов и проявлений культуры. Вместе с тем локальные цивилизации самоидентифицируются и противостояние между ними по видимости усиливается. Новое заключается в том, что столкновение этих двух тенденций сейчас опасно обострилось. Однако указанные противоречивые тенденции своими корнями уходят в далекое прошлое народов. Это повышает актуальность исторических исследований, особенно обобщающих и компаративистских.

Различные исторические школы Востока и Запада, радикальной или консервативной ориентации, продолжают дискутировать по поводу национальных «приоритетов» заселения тех или иных регионов, маршрутов исторических миграций, хронологии этногенеза больших и малых народов, этнической принадлежности деятелей древней и средневековой культуры и т.д. При этом историки (включая нашу отечественную школу востоковедения) часто «уходят» от сравнительно-исторических исследований, позволяющих раскрывать совершенно новые, не изведенные ранее грани мировой системы цивилизаций. Между тем только с позиций компаративистики можно уяснить, что историко-хронологический «разрыв» в становлении различных локальных цивилизаций или даже «параллельность» их отнюдь не свидетельствует об их изолированности друг от друга или о том, что каждая из них подчиняется лишь своим собственным, уникальным закономерностям. В локальных цивилизациях обнаруживаются фундаментальные закономерности общественного прогресса. Показать, как проявляют себя эти закономерности в необычайно богатой и несомненно индивидуальной истории восточных народов от Японских островов и Индонезии до Средиземноморья, — главная исследовательская задача большого авторского коллектива данного издания.

Всемирность истории — понятие внутренне противоречивое. Хотя мы считаем, что история развивается по объективным законам, общим для всего человечества, но законы эти на региональном и страновом уровне проявляются по-разному. Идея прогресса, или последовательного движения по ступеням общественно-экономического развития, применима без оговорок лишь при изучении развития человечества в целом, а не каждого из составляющих его этносов. В этом смысле история отдельной страны или группы стран, региона, если она искусственно вырывается из общечеловеческого контекста, что-то теряет в своей целостности. Всеобщая связь и взаимодействие этносов, рас и локальных цивилизаций являются важными факторами исторического процесса. «Эксперименты», поставленные самой историей, например территориальная изоляция американских индейцев, австралийских аборигенов и т.п., убеждают, что без непрерывных взаимовлияний ослабевает, вплоть до полного затухания, импульс к прогрессу. История как бы «останавливается», подобно не заведенному вовремя часовому механизму.

Вместе с тем конкретные пути развития исторических общностей многовариантны, а локальные формы могут совершенно не вписываться в логику

ческий ряд. Поэтому не может быть полной идентичности закономерностей развития на локальном, региональном и глобальном уровнях. Скажем, как бы глубоко наука ни изучила историю Западной Европы, нет основания считать, что она познала всемирно-исторические закономерности. Еще меньше оснований заключать, что Западная Европа дает нам ключ к пониманию закономерностей истории отдельных цивилизаций Востока. Приходится об этом говорить, потому что прямолинейный перенос локальных европейских терминов, категорий, определений на историю других регионов и всего мира был до недавнего времени характерен для отечественной, да и для мировой науки. Дальнейшее развитие теории истории должно заключаться в совершенствовании историософского инструментария не только на глобальном уровне, но и на уровне регионов.

Выбор «Востока» в качестве самостоятельного объекта региональной истории может вызвать сомнения. В данной работе «Востоком» называется территория азиатских и североафриканских стран. Таково традиционное определение «Востока» в классической западноевропейской науке, которое постепенно закрепилось также в нашей стране и выразилось в существовании комплекса наук «востоковедение».

Понятие «Восток» появилось впервые в Европе еще в античную эпоху. Именно древние греки мысленно разделили человечество на «Запад» и «Восток», причем «Запад» ассоциировался с полисом, демократией, свободой личности, а «Восток» — с Персидской империей, жестоким подавлением человека, деспотизмом. Граница между Востоком и Западом была подвижна, менялось также осознание существа их противопоставления. В средние века оно осмыслялось как противостояние христианского (прежде всего католического) и нехристианского мира. Нередко к «Востоку» относили также Восточную Европу, ареал православия.

Прогресс европейской науки и техники, появление «человека Возрождения» сделали возможными великие географические открытия XV—XVI вв., положившие начало колониальной экспансии сначала иберийских государств — Португалии, Испании, затем Голландии, Англии, Франции. С этого времени контакты между Европой, с одной стороны, Азией и Северной Африкой — с другой, становятся более тесными. Опережающее социально-экономическое развитие Европы, обнаружившее себя со всей очевидностью уже в XVI—XVII вв., и органически связанное с ним разложение феодализма внесли новое смысловое содержание в понятие «Восток». Цивилизационное отличие все более четко осознавалось как противостояние развитости и отсталости.

В период новой истории выявилось, что Европа противопоставит всему неевропейскому миру. Дихотомия развитость—отсталость поделила мир уже не на Запад—Восток, а на Север—Юг. Вновь был поставлен вопрос о том, насколько правомерно размышлять о Востоке как о регионе. С одной стороны, можно ли говорить о единстве Востока, состоящего из трех столь различных цивилизаций, как Ближневосточная, Дальневосточная и Южноазиатская? С другой стороны, если все эти три цивилизации имеют что-то общее в своей судьбе и в этом смысле противостояли и противопоставят Западу, то остальное человечество — Тропическая Африка, доколумбова Америка — разделило печальную судьбу трех цивилизаций (в том смысле, что пережило колониализм) и противопоставит Западу не в меньшей мере. Многие считают, что именно такое членение человеческой истории: Запад, с одной стороны, и весь незападный мир — с другой, — является наиболее значимым.

К обсуждению вопроса о членении человечества на исторические регионы следует вернуться после того, как история Европы, Северной Америки, Востока, Тропической Африки и Латинской Америки будет изучена в одинаковой степени. Что же касается относительной целостности Востока как исторического региона, то эта проблема — одна из самых главных в предлагаемом труде. Как понимает наш читатель, данное предисловие пишется тогда, когда большинство томов пока еще находится в стадии разработки. Стало быть, предисловие не может предвосхитить основные выводы, особенно обновленные, к которым авторы придут в процессе работы над данным трудом. Сейчас можно лишь сказать, что задача, как ее видят авторы, заключается не в механическом сведении различных глав по истории отдельных стран, а в уяснении исторического процесса в целом, как он развертывался на просторах Азии и Северной Африки, охватывая временами значительные сопредельные территории Европы (Испанию, Балканский полуостров). Мы будем настойчиво искать, что связывало этот огромный регион помимо торговых (Великий Шелковый путь) и военных (держава Чингис-хана) отношений, что было сходного и сопоставимого в облике исламских, индуистских, буддийских и конфуцианских обществ, несмотря на все их несомненные и яркие отличия. Разумеется, пути развития отдельных восточных субрегионов (стран) также должны быть прослежены. В противном случае читатель получит не «Историю Востока», а лишь абстрактно-социологическую схему истории.

Востоковедение по существу с момента своего возникновения пытается отыскать объективное, действенное, отвечающее исторической правде и здравому смыслу соотношение между общечеловеческим и специфическим в истории народов и стран Востока. Был испробован (и, к сожалению, до сих пор не отброшен) весь спектр суждений по этому вопросу — от утверждения, что «Запад и Восток не имеют ничего общего», до полного отрицания восточной специфики. В историографии последних десятилетий советского периода поиски общего, поиски европейских аналогий и настороженное отношение к специфическому, пожалуй, преобладали. Это было вызвано как догматическими методами переноса схемы формаций на восточный материал, так и необходимостью, как она понималась, борьбы с различными колониалистскими искажениями истории.

Примерно с середины 80-х годов, особенно в условиях отхода от марксистской догматики, в историографии развернулся процесс более полного и глубокого осознания роли национальной, расовой, культурной специфики в истории народов — каждого в отдельности и всех вместе. «История Востока» представляет коллективную попытку отразить эту в целом благотворную эволюцию взглядов, прежде всего путем выявления особенностей социально-экономического, политического и культурного развития восточных обществ.

Принято выделять следующие периоды мирового исторического процесса: а) архаичный, или эпоху первобытнообщинных отношений; б) древний, или время возникновения, расцвета и разложения первых очаговых цивилизаций; иногда общества этого периода называют «рабовладельческими»; в) средние века, или эпоху господства феодальных отношений; г) новое время, характеризующееся развитием капитализма, и, наконец, д) новейший период, характеристика которого еще неопределеннее, чем всех предыдущих, но который тем не менее, по наиболее распространенному мнению, начинается после первой мировой войны.

Авторы «Истории Востока» придерживаются в целом этой универсаль-

ной периодизации, однако считают, что теория формаций, на которой она базируется, нуждается в совершенствовании — и как теория всемирного исторического процесса, и особенно как инструмент анализа истории отдельной страны или региона. Внутри исторического потока каждый регион имеет свое лицо, переходы от одного этапа к другому в разных регионах или странах не только асинхронны, но и разнокачественны — с разным соотношением внутренних и внешних факторов.

Подчиняясь общим закономерностям перехода со ступени на ступень (название этих ступеней, обычно объект жарких дискуссий, — дело совершенно второстепенное), Восток отличается особой выстостью темпа и плавностью ритма. Некоторые его подрегионы тысячелетиями сохраняли этнический, социальный и культурный континуум, который резко противостоит взрывообразному и разрушительному процессу перехода Запада от одной формации к другой.

Разница в ходе истории и в облике восточных и западных обществ включает в себе не только стадияльные, но и типологические различия. Иногда стадияльную и типологическую разницу понимают как дихотомию формационного и цивилизационного. Но следует учитывать, что специфика типологическая (различный характер государства, права, собственности и т.п.) не возникает на пустом месте, а формируется в ходе длительной исторической эволюции и является равнодействующей как неких генетически заложенных цивилизационных черт, так и темпа, ритма и стадии социального развития. Цивилизационный и стадияльный подходы можно понимать как синхронный и диахронный методы описания действительности. Содержательно эти два подхода отличаются тем, что один из них (стадияльный) фиксирует свое внимание на изменчивости, а другой (цивилизационный) — на «наследственности», на стабильном, сохраняющемся в данной популяции через все ее стадияльные изменения. Попросту говоря, нельзя противопоставлять цивилизационный и формационный подходы, как нельзя противопоставлять длину ширине. Это разные измерения относительно целостного исторического процесса, причем одно из них ничуть не умаляется от того, что существует другое.

Первые классовые (стратифицированные, государственные, городские) общества в человеческой истории возникли именно на Востоке — в Месопотамии и долине Нила. «Древнее общество» просуществовало, по нынешним воззрениям, по крайней мере около четырех тысяч лет. Ни по охвату территории и населения, ни по древности возникновения, ни по длительности существования античное рабовладельческое общество не может выдерживать сопоставления с древневосточной цивилизацией. Уже только поэтому вряд ли плодотворно изучать древний Восток сквозь призму античности — считать его «неразвитым рабовладельческим» обществом и, следовательно, брать античность за всеобщий образец первой классовой формации.

В данной работе во многом учтены наиболее содержательные труды последних лет по древнему Востоку, в которых показано, что рабовладельческий уклад, при всей его значимости, не выполнял структурообразующих функций. В связи с этим представляется логически и исторически обоснованным обозначать общественный строй, существовавший на древнем Востоке до первых веков христианской эры, несколько расплывчатым термином «древнее общество», оставив задачу его более содержательного терминологического определения будущим исследователям-востоковедам. Соотношение различных укладов, характерных для «древнего общества», этапы его развития уже достаточно выяснены. В этой теоретической модели опре-

деленное место принадлежит и античности как этапу и локальному варианту становления мировой системы цивилизаций.

Средневековый Восток авторы считают феодальным, но при этом также стремятся не переносить излишне прямолинейно на Восток европейские категории, связанные с понятием «феодализм». Сочетание «восточный феодализм» давно используется отечественными историками, однако оно все еще не обрело терминологической определенности. Что именно неевропейского и в то же время одинаково индийского и китайского в том обществе, которое существовало на Востоке в средние века? Ясно, что понимание «восточного феодализма» должно быть достаточно широким, чтобы охватить все основные цивилизации Востока, но в то же время сохранять известную определенность. Главное здесь заключается в том, что строй, наблюдавшийся в основных странах Востока к началу колониальных захватов, типологически имел весьма значительные отличия от строя предбуржуазной эпохи в Европе, но стадийно соответствовал последнему. В противном случае невозможно объяснить достигнутый народами Востока социально-культурный уровень.

Именно эти соображения побудили авторов данного издания отказаться от концепции «азиатского способа производства». Данное понятие и сейчас, как известно, используется некоторыми учеными (иногда в несколько измененных вариантах — «государственного», «политарного» способа производства), но в весьма противоречивых значениях.

Для одних это основа первой классовой формации, стоящей между первобытностью и рабовладением. При таком подходе нам пришлось бы утверждать, что Восток к XVII—XVIII вв. еще не достиг уровня древних Афин и Спарты. Думается, что подавляющее большинство ученых, в том числе востоковедов, сочтет такое суждение противоречащим общеизвестным историческим фактам.

Для других «азиатский способ производства» — обозначение специфики Востока вообще, основа противопоставления восточных обществ, базирующихся на государственной собственности, всем западноевропейским, основанным на частнособственнической эксплуатации. При такой трактовке Восток как бы вообще выпадает из процесса смены формаций, а региональные истории Востока и Запада предстают как два не связанных друг с другом процесса, подчиняющихся совершенно разным закономерностям. Разрушается целостность человечества, которая, как было отмечено ранее, для авторского коллектива является незыблемым постулатом, предпосылкой существования истории как науки.

Отрицая «восточную формацию», авторы издания в то же время отмечают для древних и средневековых обществ Востока такие специфические черты, как отсутствие или слабое развитие частной собственности и, следовательно, невысокий уровень индивидуализации личности, медленный эволюционный процесс изменений, растянувшийся на столетия и тысячелетия при отсутствии резких скачков между историческими эпохами, длительное и устойчивое сохранение архаических форм социальной организации. Именно в такой ситуации деспотическое государство берет на себя ключевые хозяйственные, социальные, культурные и иные функции, обеспечиваемые с помощью громадного аппарата власти и принуждения. И тем не менее восточноедеспотические государства не могли остановить процесс собственной эрозии и, рано или поздно, разрушались. Парадоксальность ситуации состояла в том, что и в условиях распада деспотии отнюдь не происходило быстрого интеллектуального или экономического подъема, а наблю-

далось нечто противоположное — деградация и упадок, члены традиционного восточного общества вновь становились объектами очередного деспотического властвования, не менее всепроникающего и жестокого. Невыраженность индивидуализации личности — это, пожалуй, одно из наиболее заметных отличий восточных традиционных обществ от западных. Но эта черта не является причиной всех остальных особенностей Востока. Это лишь проявление всей системы общественных отношений, включавшей особую роль общин, кланов, каст, конфессиональных общностей и др., эмбриональное развитие правовых гарантий жизни и имущества и т.п. Комплекс данных общественных отношений, сложившийся в обществах (цивилизациях) Востока к началу нового времени, и стал причиной отсталости этого региона от Западной Европы, колониального и полуколониального его порабощения.

История неумолимо сталкивает общества разных уровней развития и никому не позволяет бесконечно лелеять свою специфичность. Любое общество, задержавшееся в своем развитии, начинает испытывать неудержимый натиск более передового общества — военный, культурный, политический и т.п. Развитие отставшего при этом несколько убыстряется, но, как правило, и деформируется. В результате подобного «толчка» создаются «вторичные» и «третичные» формы, которые заставляют по-новому ставить вопрос о типологических особенностях региона, в данном случае Востока.

Капитализм был первой формацией, к которой Восток переходил при огромном внешнем воздействии Европы. До этого можно говорить об обратном — мощном воздействии восточных экономик на западные. В новое время Восток познакомился не столько с предпосылками, сколько с результатами капиталистической цивилизации, и прежде всего с колониальным поработителем (личностью, сформированной Возрождением, Реформацией, Просвещением), оснащенным новейшим оружием, созданным на базе технических достижений европейского городского свободного ремесла и мануфактуры. Буржуазные идеи свободы, равенства и братства, принципы национализма стали проникать на Восток раньше, чем здесь сформировались капиталистический уклад и буржуазная социальная структура. Наметился целый ряд других «нарушений» естественноисторической модели становления капиталистической формации, осмысление которых служит ныне ареной актуальных научных споров.

В ранние периоды истории тот или иной региональный вариант цивилизационного развития на Востоке если не в решающей степени, то во многом был обусловлен эндогенными факторами; особо важную роль играли экологические условия, определившие не только род хозяйственной деятельности «морских», «континентальных» и иных обществ, но и многие черты традиционной социально-экономической структуры. Экзогенные факторы приобрели особую значимость лишь в новое время, когда на волне резкого усиления колониального натиска развернулся интенсивный процесс включения стран Востока в мировой рынок и позднее — в мировое хозяйство. Немаловажным фактором локальных конкретно-страновых вариантов развития в новое и новейшее время стали политический статус той или иной страны в мировом сообществе — колониальный или полуколониальный, а также серьезные различия «колониализмов» (более гибкого и маневренного британского, более консервативных голландского и французского и пр.).

Освободившись от колониальной и полуколониальной зависимости,

страны Востока встали перед необходимостью модернизации. И вновь выбор пути, модели развития, определился в ходе взаимодействия внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов. Одни страны избрали импортзамещающую модель индустриализации, другие — экспорториентированную. С этими двумя моделями связаны разные взаимоотношения с мировым рынком и с центрами мировой экономики. Не только разные экономические стратегии, но и политико-идеологические предпочтения элиты вызвали к жизни различные типы государственного вмешательства в экономику — от сравнительно поверхностного регулирования («капиталистическая модель») до огосударствления большей части экономики (режимы «социалистической ориентации» или «некапиталистического развития»). Любой из путей развития не приводил к всеобщему подъему благосостояния, почти всегда вызывал обострение социальных противоречий и усиление идеологического противостояния. В каждой из стран «третьего мира» боролись и борются свои «коммунисты» и «капиталисты», «западники» и «почвенники». Последние часто используют религиозные традиции («фундаментализм»), идеи исключительности своей цивилизации, ее особой роли в мире. Все эти процессы в зарубежных странах интересны сейчас российскому читателю не только сами по себе, но и потому, что в них просматриваются параллели с тем, что происходит в нашей стране. Страны «третьего мира» накопили громадный позитивный опыт борьбы с бедностью, неразвитостью, экономической стагнацией, политической апатией — опыт, который востоковеды обязаны донести до российской общественности. Впрочем, накоплено также много негативного опыта, может быть, еще более поучительного.

Не все новые подходы сейчас уже устоялись. Но абрис некоторых из них вырисовывается.

Самое, пожалуй, важное — в конце XX в. изменилось наше отношение к насилию в истории. Ранее мы не видели в насильственных действиях, приводивших к большому количеству жертв, ничего особенно одиозного. В лучшем случае отменяли происшедшее в результате этого «разрушение производительных сил». Если же насильственные акты совершались против «угнетателей» (феодалов, правителей, колонизаторов, империалистов), то пользовались нашим устойчивым сочувствием. Народные движения, восстания, революции, так же как и верхушечные перевороты, оценивались в основном по «решительности», т.е. по количеству жертв — чем их больше, тем быстрее прогресс. Но к исходу XX столетия стало очевидным: человеческие жизни не являются больше донором прогресса. Исторический прогресс через насилие себя исчерпал. Вопрос для историка звучит так: не произошло ли это значительно раньше, чем было осознано? Не следует ли по-другому оценить благотворность восстаний и революций прошлого? Каждый раз, когда мы имеем дело с «прогрессом», достигнутым через насильственные действия, мы должны ставить вопрос о цене, заплаченной за это. Сплошь и рядом цена оказывается непомерно высокой, и тогда вместо прогресса мы имеем дело с его оборотнями.

К.Маркс как-то сказал, что насилие — повивальная бабка истории. Сегодня мы понимаем: это неверно. Профессия повивальной бабки — одна из самых гуманных. Акушерка не убивает мать, чтобы освободить ребенка. Ее задача — чтобы оба выжили. Так что, отвергая историческую функцию насилия в современную нам эпоху, миссию «повивальной бабки» мы мысленно передаем не революциям, а реформам. Реформа есть преобразование, совершаемое существующей в настоящее время властью,

которая в процессе преобразований свои властные функции стремится сохранить. Таким образом, в любой реформе присутствует и консервирующее, или даже консервативное, начало, и это вполне естественно. Но лишь медленные изменения оказываются прочными. Революции же, разрушая то, что еще не успело отмереть, вызывают регенерацию старых форм.

Часть проблемы насилия в истории — вопрос о роли классовой борьбы. Классы существуют, имеют разные интересы, и потому борьба между ними так или иначе идет, иногда очень остро. Однако, будучи функционально связаны друг с другом, классы не только борются, но и сотрудничают друг с другом. Их отношения, таким образом, вполне укладываются в диалектическую формулу «единство и борьба противоположностей». Случаи совпадения интересов и совместных действий, скажем, крупных землевладельцев и крестьян или капиталистов и их рабочих известны, и остается лишь объективно их показать.

Более взвешенной оценки заслуживает и такое явление, как колониализм, а также национально-освободительная борьба против него. Колониализм — великое столкновение формаций и цивилизаций, в котором пострадали многие, в том числе и метрополии, но из которого родилось человечество нового и новейшего времени. В то время «диалог цивилизаций» мог идти только под аккомпанемент пушек. Народы Азии, Африки и Америки, конечно, пострадали в первую очередь и в большей мере, чем народы Западной Европы, но расхожее мнение о постоянном перекачивании средств из колоний в метрополии, о том, что Европа убыстрила свое развитие и обогнала страны Азии благодаря их ограблению, в ходе исследований не подтвердилось. Величина «колониальной дани» в разные периоды и различных ситуациях — это еще один вопрос, который требует конкретного анализа.

Теория «империализма», выдвинутая В.И. Лениным в начале века, не подтвердилась. Не произошло ни замены конкуренции монополией, ни создания «финансового капитала», ни полного колониального раздела мира. Самое главное — тот этап капитализма, который наблюдал В.И. Ленин, оказался не последним. Колониализм сошел со сцены в результате действия ряда политэкономических, политических и психологических факторов, среди которых национально-освободительная борьба была не единственным, а может быть, и не главным. Настало время на базе фактического материала еще раз пересмотреть события антиколониальной борьбы: какие из них оказались благотворными для развития колоний или для становления нации, а какие отбрасывали страну и народ назад, вели к замене одной формы деспотизма (колониальной) другой формой, еще более жестокой и антинародной, хотя и «самостоятельной».

И последняя из тех проблем, новый подход к которым напрашивается уже сейчас. В свое время через марксизм отечественные историки усвоили мысль, что история должна интересоваться не только великими личностями, войнами и завоеваниями, но в первую очередь жизнью и деятельностью широких народных масс. Но понимался этот тезис все же несколько односторонне — как преимущественное внимание к социально-экономическим процессам и к проявлениям классовой борьбы. Сейчас нам стало яснее, что важную роль в детерминации исторических событий играют также идущие в глубине массового сознания социально-психологические и духовные процессы. Этим процессам в последующих томах будет уделено особое внимание.

В завершающем томе найдет отражение также формирование в последние десятилетия XX в. новых центров общественно-экономического развития в Азиатско-Тихоокеанском и других регионах Востока — процесс, заставивший многих ученых говорить о том, что XXI век будет веком Азии.

Предполагаемый труд — первая в истории отечественного востоковедения попытка исследования в рамках многотомного сочинения основных особенностей и этапов исторического процесса на Востоке с древности до наших дней. Характер издания, равно как и современный уровень наших знаний, обусловил то, что не все вопросы истории восточных народов получают в нем одинаково подробное освещение. Целый ряд проблем все еще ждет своих исследователей. Это определило гипотетичность некоторых обобщающих суждений. Единая позиция авторов по ряду основополагающих проблем не исключает различий во взглядах между ними по ряду конкретных вопросов истории той или иной страны. Редколлегия не считала себя вправе сглаживать те противоречия, которые реально существуют между различными исследователями — авторами глав.

«История Востока» — итог многолетнего труда большого коллектива отечественных востоковедов. В его создании принимали участие научные сотрудники Института востоковедения РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, Института отечественной истории РАН, Института Африки РАН, профессора и преподаватели МГУ им. М.В.Ломоносова и ряда других высших учебных заведений и научных центров.

Деление на тома в основном соответствует этапам мировой истории, выделенным выше, но с учетом специфики исторического пути Востока:

Том I. Восток в древности (с древнейших времен до первых веков христианской эры).

Том II. Восток в средние века (с первых веков христианской эры до XV в. включительно).

Том III. Восток на рубеже нового времени (XVI—XVIII вв.).

Том IV. Восток в новое время (с конца XVIII до первых десятилетий XX в.).

Тома V и VI. Новейшая история Востока, части первая и вторая (от первой мировой войны до наших дней).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редколлегии серии	5
Предисловие к первому тому	14
<i>Глава I. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла.</i>	
Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития . .	27
1. Предпосылки образования первого классового общества (27) 2. Первый путь развития обществ ранней древности (29) 3. Второй путь развития обществ ранней древности (38) 4. Третий путь развития обществ ранней древности (39) 5. Миропонимание на грани первобытного и древнего обществ (40)	
<i>Глава II. Города-государства Шумера . . . . .</i>	45
1. Создание упорядоченной ирригации в низовье Евфрата (45) 2. Изобретение письменности. Протописьменный период (46) 3. Раннединастический период (49)	
<i>Глава III. Переход к территориальному государству в Месопотамии . . . . .</i>	57
1. Государство Саргонидов (57) 2. Гудеа (62) 3. III династия Ура (62) 4. Падение Ура и возвышение Иссина (65)	
<i>Глава IV. Шумерская культура . . . . .</i>	67
1. Религиозное мировоззрение и искусство населения Нижней Месопотамии (67)	
2. Шумерская литература (73)	
<i>Глава V. Старовавилонский период истории Месопотамии . . . . .</i>	78
1. Старовавилонское общество (78) 2. Политическая история (82) <i>Иссин</i> (84) <i>Эшнунна</i> (85) <i>Ларса</i> (85) <i>Вавилон</i> (88) 3. Новые черты общественного развития. Конец старовавилонского периода (89) 4. Законы (92)	
<i>Глава VI. Месопотамия в XVI—XI вв. до х.э. . . . .</i>	100
1. Средневавилонский период в Нижней Месопотамии. Касситское царство и Элам (100) 2. Средневавилонское общество (102) 3. Митанни и Аррапха (103) 4. Город-государство Ашшур и возникновение Ассирийского царства (106) 5. Культура и общество Ассирии (110)	
<i>Глава VII. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство . . . . .</i>	113
1. Дохеттский период в Малой Азии (113) 2. Древнехеттское царство (ок. 1650 — 1500 гг. до х.э.) (116) 3. Новохеттское царство (ок. 1400 — 1200 гг. до х.э.) (118) 4. Социально-экономические отношения в Хатти (120) 5. Право и закон (125) 6. Хеттская культура (126)	
<i>Глава VIII. Сирия, Финикия и Палестина в III—II тысячелетиях до х.э. . . . .</i>	128
1. Возникновение цивилизации (128) 2. Митанни и фараоновский Египет (133) 3. Народное движение хапиру (136) 4. Хетты и фараоновский Египет (137) 5. Переселение «заречных племен» и «народов моря» (139) 6. Культура. Алфавит (144)	
<i>Глава IX. Раннее и древнее царства Египта . . . . .</i>	147
1. Возникновение государства (147) 2. Раннее царство (153) 3. Древнее царство (156)	
<i>Глава X. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов . . . . .</i>	165
1. Переходный период (165) 2. Среднее царство (167) 3. II Переходный период и гиксосское завоевание (175)	
<i>Глава XI. Культура древнего Египта . . . . .</i>	176
1. Религия (176) 2. Архитектура (180) 3. Скульптура (184) 4. Рельеф (186) 5. Письменность (188) 6. Литература (188) 7. Наука (190)	
<i>Глава XII. Древнейший Китай . . . . .</i>	192
1. Период Шань-Инь (195) 2. Период Западного Чжоу (202) 3. Период Восточного Чжоу (207)	
<i>Глава XIII. Общие черты второго периода древней истории . . . . .</i>	213
1. Производительные силы и средства насилия (213) 2. Вопросы увеличения прибавочного продукта и обеспечения расширенного воспроизводства (216) 3. Древние	

«мировые» державы (221) 4. Пути развития древнего общества. Полис и возникновение античного пути развития (223) 5. Рабство и свобода. Рабы и «царские» люди (227)	
<i>Глава XIV.</i> Новоассирийская держава	230
1. Политическая история (230) 2. Структура ассирийского общества (241) 3. Культура Ассирии (243)	
<i>Глава XV.</i> Нововавилонская держава	246
1. Политическая история (246) 2. Социальная структура общества и право (249) 3. Царская власть и положение храмов (254) 4. Хозяйственная жизнь (255) 5. Торговля (258)	
<i>Глава XVI.</i> Страны Иранского нагорья и юга Средней Азии в первой половине I тысячелетия до х.э. Мидийское царство. Авеста. Зороастризм	261
1. Области Иранского плато к началу исторической эпохи. Место Ирана в истории древнего Востока. «Иран» и «иранцы» (261) 2. Западный Иран в начале I тысячелетия до х.э. (264) 3. Ассирийские и урартские завоевания в Иране (268) 4. Маннейское царство (270) 5. Элам в первой половине I тысячелетия до х.э. (273) 6. Происхождение иранских племен и их распространение по территории Ирана (275) 7. Авеста и ранний зороастризм (277) 8. Социально-экономический строй древнеиранских племен (283) 9. Возникновение независимой Мидии. Мидийская держава (285) 10. Возникновение кочевого скотоводства и распространение кочевых племен в горных районах Ирана (287)	
<i>Глава XVII.</i> Ахеменидская держава	290
1. Возникновение мировой Персидской державы (290) 2. Экономика и социальные институты Персидской державы (296) 3. Иран в V в. до х.э. (302) 4. Падение Персидской державы (306) 5. Идеология и культура древнего Ирана (308)	
<i>Глава XVIII.</i> Урарту, Фригия, Лидия	312
1. Малая Азия и смежные области после гибели Хеттского царства (312) 2. Возвышение Урарту (317) 3. Общество Урарту (320) 4. Урарту времени расцвета (323) 5. Урарту и Фригия (324) 6. Скифы. Упадок Урарту и возвышение Лидии. Первое Армянское государство (328)	
<i>Глава XIX.</i> Финикия и финикийцы в конце II — I тысячелетия до х.э.	332
1. Финикия (332) 2. Финикийская колонизация (339) 3. Карфаген (343)	
<i>Глава XX.</i> Палестина в первой половине I тысячелетия до х.э.	351
Царства Израиля и Иудея	
1. Палестина в XII—X вв. до х.э. и образование Иудейско-Израильского государства (352) 2. Хозяйство, общество и государство в Палестине первой половины I тысячелетия до х.э. (357) 3. Пророческое движение и становление Ветхого завета (363)	
<i>Глава XXI.</i> Новое царство в Египте и поздний Египет	370
1. Общие черты периода (370) 2. Египетская военная держава времени XVIII династии (372) 3. Религиозная реформа Аменхотепа IV и конец XVIII династии (377) 4. Египет при XIX династии (382) 5. Египет в период XX династии и конец Нового царства (384) 6. Поздний Египет (386)	
<i>Глава XXII.</i> Древняя Индия	389
1. Индская цивилизация (XXIII—XVIII вв. до х.э.) (392) 2. «Ведийский период» (397) 3. «Буддийский период». Образование общиндийской державы (410) 4. «Классическая эпоха» (II в. до х.э. — V в. х.э.) (418) 5. Религия и культура (423)	
<i>Глава XXIII.</i> Китай во второй половине I тысячелетия до х.э. — первые века христианской эры	433
Империи Цинь и Хань (конец III в. до х.э. — начало III в. х.э.) (438)	
<i>Глава XXIV.</i> Культура древнего Китая	462
<i>Глава XXV.</i> Корея в древности	486
<i>Глава XXVI.</i> Предэллинизм на Востоке. Послепленная Иудея	490

1. Новые явления хозяйственной жизни в западных сатрапиях Ахеменидской державы (490) 2. Гражданско-храмовые общины в западных сатрапиях Ахеменидской державы (493) 3. Новые явления в духовной жизни Ближнего Востока VI—IV вв. до х.э. (499)	
<i>Глава XXVII. Александр и его преемники на Востоке</i>	505
1. Поход Александра Македонского (505) 2. Наследие Александра (513)	
<i>Глава XXVIII. Эллинистические государства в Передней Азии</i>	518
<i>Глава XXIX. Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма</i>	530
1. Независимые государства IV—III вв. до х.э. (530) 2. Армения, Атропатена, Иверия и Алвания во II—I вв. до х.э. (535) 3. Общество и культура Закавказья и сопредельных стран в IV—I вв. до х.э. (539)	
<i>Глава XXX. Парфия и Греко-Бактрийское царство</i>	543
1. Парфянская держава (543) 2. Внутреннее устройство Парфянского государства (545) 3. Культура Парфии (547) 4. Греко-Бактрийское царство (549) 5. Тохары (юэчжи) (551)	
<i>Глава XXXI. Эллинистический Египет</i>	552
<i>Глава XXXII. Восточные провинции Римской империи</i>	562
1. Палестина в эллинистическо-римский период (562) 2. Падение независимых государств в Палестине (565) 3. Восточное Средиземноморье в составе Римской империи (566)	
<i>Глава XXXIII. Коренные перемены в мировоззрении («осевое время»)</i>	578
1. Мировоззрение и мироощущение человека в древности (578) 2. Идеологические перемены (582) 3. Проблема изменений мироощущения в истории (585) 4. Проповедь Заратуштры (587) 5. Новые явления в яхвизме-иудаизме в I тысячелетии до х.э. (590) 6. Религиозно-философские учения Индии (596) 7. Религиозно-философские учения Китая (601) 8. Возникновение христианства (606)	
<i>Заключение</i>	613
1. Происхождение народов и языков (613) 2. Социальная психология (616) 3. Конец древности (621)	
Рекомендуемая литература	623
Указатель имен	635
Указатель географических названий	646
Указатель терминов и названий народов древности	659
<i>Карты</i>	666
Древняя Месопотамия (III—II тысячелетия до х.э.) (666) Передняя Азия и Эгейский мир во II тысячелетии до х.э. (668) Древний Египет (670) Древний Китай во II — первой половине I тысячелетия до х.э. (671) Ассирийская держава в VIII—VII вв. до х.э. (672) Держава Ахеменидов (674) Урарту, Фригия, Лидия (676) Передняя Азия в первой половине VI в. до х.э. (678) Индия и Иран в древности до конца III в. до х.э. (679) Древний Китай в IV—III вв. до х.э. (680) Империя Хань (202 г. до х.э. — 220 г. х.э.) (681) Походы Александра Македонского (682) Эллинистические государства (684)	